

Предложные конструкции в резьянском микроязыке с частицами *ta-/tu-/to-*

Liudmila Fedorova

Rossiyskiy Gosudarstvennyy Gumanitarnyy Universitet, Moskva, Russia

Abstract The study is focused on prepositional constructions expressing spatial relations in the Resian microlanguage. Usually compound prepositions have two or three components based on simple prepositions (*-w*, *-na*, etc.), with an adverbial particle *ta-/tu-/to-* as the first component. The paper attempts to clarify the choice of the particles. The materials used are the works of Baudouin de Courtenay on the Resian dialect, historical and modern Resian texts, evidence of a native speaker informant. The result of the analysis shows that the choice of particles can be determined by phonetic and semantic motives.

Keywords Resian microlanguage. Spatial relations. Compound prepositions. Adverb particles.

Sommario 1 Введение. – 2 Типы резьянских локативных конструкций и их состав. – 3 Обсуждение. – 4 Анализ. – 5 Краткое заключение.

Peer review

Submitted 2023-05-04
Accepted 2023-12-22
Published

Open access

© 2024 Fedorova | 4.0

Citation Fedorova, Ljudmila (2024). "Предложные конструкции в резьянском микроязыке с частицами *ta-/tu-/to-*". *Balcania et Slavia*, 2(2), 1-20.

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2023/02/002

1 Введение

Резьянский идиом, один из островных южнославянских микроязыков, в определении А.Д. Дуличенко (Дуличенко 1981, Дуличенко 2017), рассматривается лингвистами в числе словенских диалектов.

Задачей настоящего исследования является рассмотреть одну из особенностей резьянской грамматики – предложные конструкции для передачи пространственных значений (собственно местонахождения и направления). Как правило, они передаются не простыми предлогами при существительном, а с помощью составных предлогов или наречно-предложных конструкций, особенно часто включающих первообразные предлоги *w/v* ‘в’ и *na* ‘на’.

Так, мы находим примеры таких употреблений уже в первом письменном памятнике – Резьянском катехизисе, рукописный текст которого был составлен по-резьянски Доменико Мичелли в 1797 г. и опубликован Бодуэном де Куртенэ в 1875 г.: *tu-v treh persunah* ‘в трех лицах’, *ta-nà chris̃hu* ‘на кресте’, *tu-v svotè od Marie Vergine*, ‘в животе Девы Марии’; *tu-v Paravishu*, ‘в раю’; *ta-nà simgnè anu tu-v uvsachin meste*, ‘на земле и во всяком месте’; *tuv useh gnih perfeziunah* ‘во всех их совершенствах; *Du te jè creal anu gial sè na tè svit?* ‘Кто тебя создал и привел на этот свет?’ (БдеК 1875).

Здесь конструкции *tu-v*, *ta-nà*, *sè na* соответствуют простым предлогам ‘в’, ‘на’, однако с препозицией частиц *tu*, *ta*, *sè*, предположительно с исходным значением типа ‘там, тут’.

Подобные примеры можно, по-видимому, считать грамматическими фразеологизмами – в понимании Баранова и Добровольского, которые относят к ним сочетания служебных слов, в том числе предлогов (например, рус. *из-за*, *из-под*), или полнозначного и служебного слова для выражения грамматических значений в широком понимании (Баранов, Добровольский 2008, 73-8).

Материалом для исследования послужили тексты и примеры, записанные Бодуэном де Куртенэ (БдеК), а также современные резьянские тексты и примеры из Biside 2009 (записи устной речи резьян), Clemente 2020 (NC)¹, Steenwijk 1992. В них сохраняется орфография источника, где это возможно и необходимо.

¹ Книга написана автором (Nadia Clemente) как пособие для ознакомления с резьянским языком от лица его носителя, а не как научное издание. Мы использовали ее по разрешению автора как богатый источник аутентичного материала, в основном осойского говора (Осоян, Осеаццо).

2 Типы резьянских локативных конструкций и их состав

Можно выделить три типа резьянских локативных конструкций.

2.1 Локативные конструкции первого типа

Это конструкции с первой частью, производной от наречий, или наречием, типа: *dö-na* ‘вниз(у) на’ (*dö* < *dölu*), *dö-w* ‘вниз в’, *dö-h* ‘вниз к’, *dö-po* ‘вниз по’, *ghorë-na* / *gorë-na*² ‘вверх(у) на’, *won-na* ‘вверх на’, *wne-w* ‘вверху в’, *nutrë-w* (Loc.) ‘внутри’, *nutär-w* (Acc.) ‘внутри’ (часто *nu-w*), *nutrë-na*, *nutär-na* ‘внутри/и (на)’ (часто *nu-na*), и др. (примеры записи на осойском диалекте по Clemente 2020, 44–48). Вторая часть представляет собой первообразный предлог в локативном (местном или направительном) значении, исключая *od* ‘от’, *künträ* ‘против’ и некоторые другие.

Здесь не всегда очевидно, представлено ли в первом компоненте (*dö-*, *ghorë-/gorë-*, *won-*, *wne-*, *nutrë-*, *nutär-*, *nu-*) наречие или уже собственно наречный предлог. Можно предположить, что дефисные написания и особенно сокращенные формы указывают на сращение компонентов в составной предлог, отражающее процесс грамматикализации. Однако наличие свободных употреблений полных форм в качестве наречий может говорить об их относительной самостоятельности.

Пример использования сращений можно увидеть в записи БдеК в описании маршрута:

- (1) ...*tadí mawa'jit't döž Uč'jo', da v'ídet kako to je pa'todi dö'lu. Zu'tra gre'wa wun-č'is Kilo ano dona Ravanco* (БдеК 1895: 70) – ‘...тогда (мы-двое) должны идти вниз-через Учью, чтобы посмотреть, как там также внизу. Завтра (мы-двое) пойдем вверх-через Килу [перевал] и вниз-на Раванцу’.

В слитном написании (в собственной фонетической транскрипции БдеК) восстанавливаются: *döž - dölu-č'iz*, ‘вниз-через’, *wun-č'is - won-č'iz* ‘вверх-через’, *dona - do-na* ‘вниз-на’. Здесь же представлено и наречие *dölu*, так что лексическая связь предлога и наречия поддерживается.

Обращает на себя внимание порядок компонентов в этих конструкциях (наречный предлог + первообразный предлог),

² Диграф *gh* отражает произношение осойского говора [ɣ]. В более принятой орфографии используется *g*. (см. H. Steenwijk, *Piccolo dizionario ortografico resiano / Mali bisidnik za tò jošt rozajanskë pisanjê*, Padova 2005)

обратный в сравнении с русскими аналогами: *dö-w* – *в-доль*, *gho-ré-na*, *won-na* – *на-верху*, *wne-w* – *во-вне*, *nutär-w* – *в-нутри*.

Русские аналоги обычно рассматривают как производные от сочетаний первообразного предлога *в*, *на* и падежной формы управляемого им существительного: *дол*, *верх*, *нутро* (ср. рус. *нутро* из **vъn-otъ* в результате переразложения, давшего *vъ-notъ* (Фасмер_3: 90–91; Аникин_7: 327–329)). Резьянские же конструкции в представленном виде естественно рассматривать как производные от сочетания наречия и первообразного предлога.

Отметим, что сочетание локативного наречия и простого (первообразного) предлога совершенно нормально для разных языков: так, по-итальянски можно сказать *vado giù a Trieste* ‘иду/еду вниз в Триест’, *vado su a Tolmezzo* ‘иду/еду вверх в Толмеццо’; в русском языке: *вверх на крышу*, *вдоль по улице*, *вблизи от центра* – первая часть обычно трактуется как наречный предлог, хотя возможна и трактовка как предложного наречия (Урысон 2017).

2.2 Локативные конструкции второго типа

Этот тип представляют сочетания первообразных предлогов с местоименно-наречными частицами *ta* и *tu* (‘там, туда’), причем эти частицы уже не имеют собственно пространственного значения и используются не только в локативных, но и во временных значениях (примеры по БдеК 1895 и Bside 2009):

tu-w njiwo ‘в поле’ – *tu-w noče* ‘ночью’,

ta-h hiše ‘к дому’ – *ta-prad Vinahte* ‘перед Рождеством’,

tà me paháme ‘между скалами’ – *tà med lîtame* ‘между годами’.

Как представляется, сочетание предлога с подобной частицей (‘там, туда’) редко встречается как устойчивая конструкция в других языках: некоторую параллель можно усмотреть с разговорными употреблениями в итальянском: *vado là a Prato/Ravanza* ‘иду/еду туда в Прато/Раванцу’, *vado là a Padova* ‘...туда в Падую’, в разговорном словенском *tam gori*, *tam doli*, но это скорее свободные сочетания с частицами. В русском нормально свободное сочетание типа *там вдали за рекой*, где каждый компонент локализации уточняется последующим.

Использование конструкций первого и второго типа можно проследить в другом примере описания маршрута БдеК с его же переводом на немецкий:

- (2) ...**góre po** Pláñi **nútus** Klúsawo, – **tus** Pécawo, – **górez** Vilíko Dulíno. – **gorë** u Počéćinin, – Bojénave Klín, – **nútu** Žlip, – **tána** Kókowo = **nútu na**

Kókowo, – **nutuz** Bučónawo, – **nútuž** Lišičjo, – **tána** Študenčihon, – **tau** Plánji, – **tana** Plánji, – **nútuz** Dernúwo, – **nútu zá** timi Kráji, – **dólu po** Pýsku Wòrsъ, – **dólu po** ti Vilíki Plánji.

...oben an Planja in Klusowo hinauf, – in Pecowo, – oben in das große Thal hinauf, – oben in Počečín, – Bojem's Keile, – in Žlin hinein, – auf Kokowo, – in Bučónawo hinein, – in Lisičja hinein, – uber Študenčitj, – in Planja, – auf Planja, – in Dernuwo hinein, – hinter jenen Orten hinein, – unten uber Sandgipfel, – unten uber die Große “Planja” (Fläche). (Materialen 1895, §47)

Здесь предлоги с *ta-*: *tána < tá + na*, *tau < ta + w*; предлоги с *na* отмечают открытые места, с *w (u)* – вхождение в пространство, мыслимое как закрытое, с *nutu (< nutar)* прохождение через поселения (*nutus/-z/-ž- < nutar+ čis* ‘через’), т.е. предлоги с *na-* концептуализируют пространство как плоскость, с *w-* и *nutu-* – как объем. Аналогично в записях БдеК (1875, X): **tu-w** *Osoâh* (в Осеакко) – **tà na** *Níve* (на/в Ниве), **tána** *Sòlbice* (на/в Столвице). Тем самым в предлогах учитывается характер местности и положение населенного пункта (также Федорова 2021).

Из примеров видно, что составные наречно-предложные конструкции способны достаточно точно передавать местонахождение и направление, а также уточнять вертикальную ориентацию, что важно в условиях горной местности. Так, уточнение вертикальной ориентации присуще и словенским диалектам долин Натизоне и Торре, диалектам других альпийских народов (по устным замечаниям коллег на Convengo Linguistica Slava - 9), а также и словацкому языку (Корина 2013).

2.3 Локативные конструкции третьего типа

Эти конструкции включают все три компонента – *ta/tu* + наречный предлог+ первообразный предлог:

tu-wně-na *hlivě* ‘там-сверху-на хлеву (на сеновале)’, **ta-nu-w** *hiše* ‘там-внутри-в доме’;

bet ta-dö-na *Bile* ‘быть там-внизу-на Биле (в Резьюте)’;

bet ta-dö-w *Bile* ‘быть там-внизу-в Биле (в Сан-Джорджо)’³

(примеры по Clemente 2020, 44).

Иногда можно предположить для таких случаев не трехчленный комплекс, а сочетание двучленного наречия и первообразного

³ По объяснению N. Clemente, различие связано с более открытым местом (Резьюта) и с более закрытым (Сан-Джорджо), откуда часть жителей после наводнения переселилась к входу в долину.

предлога; подобное членение предполагает пример от информанта из (Steenwijk 1992, 163):

- (3) *somq bili ta-wné.tə goré* ‘we were up on the mountains’.

Наличие артикля и одного дефиса позволяет предположительно разбить локативную фразу на две тактовые группы: с ударными наречием и существительным. Тогда можно говорить об особенной структуре наречия *ta-wné* с местоименно-наречным компонентом (ср. рус. *он там*), которая иногда встречается в других языках (ср. ит. *lassù e laggiù*). Однако у нас нет надежных критериев, чтобы разделить эти виды конструкций (дефис не всегда помогает; это можно было бы сделать более определенно на основе анализа устной речи).

Сам Стэнвейк квалифицирует *ta-wné* как наречие в сочетании с предлогом (*na, w*) наряду с такими сочетаниями как *nútu pod, goré z* (в упрощенной орфографии, по Steenwijk 1992, 171).

Можно проиллюстрировать некоторые конструкции примерами из современных текстов, в частности – записи устной речи в издании «Biside ta-na traku» (2009):

- (4) ...*tō nī tej injän, da wsako nuć so mužje ta-par hiše, <...> itadej či ni so bile magare ta-dö w Mužace lubu bö dölu, ka ni so dělale tu-w gozdě, ni niso mogle prīt ta-h hiše.*

‘...это не как сейчас, что каждую ночь мужчины дома, <...> тогда если они были, например, в Моджио или еще дальше, когда они работали в лесу, они не могли прийти домой’ (Biside 2009, 19).

Здесь *ta-par* – ‘там-при’, *ta-dö w* – ‘там-внизу в’, *ta-h* – ‘туда-к’. При достаточно свободной сочетаемости компонентов для выражения различных значений порядок компонентов устойчив. Можно сопоставить его с логикой русских разговорных конструкций типа «там вдали за рекой», где первый компонент равнозначен указательному жесту направления, второй определяет дистанцию или путь, третий – положение по отношению к конкретному ориентиру. Только в резьянской конструкции на втором месте обычно указание на вертикальную ориентацию.

Полные трехчленные конструкции не так часты, как двучленные; в них второй член может быть опущен, так что получается конструкция второго типа:

- (5) *To-ghorë-na Koritë – Ta-na Koritë so pet hiš.* ‘В Корите пять домов’ (пример NC).

Как видно, предлоги с первой частью *ta-/tu-/to-* часто встречаются в устной речи.

3 Обсуждение

Предложные конструкции с первой частью *ta-/tu-/to-* обсуждаются в работе (Steenwijk (1992, 171–172). Х. Стэнвейк квалифицирует *ta-* как безударное (или со вторичным ударением) локативное наречие ('adverb of place'), способное замещать самостоятельные локативные наречия; при этом он отмечает возможность самостоятельного его употребления (в примерах идиоматизированных конструкций *ta doma* 'дома', *ta lětë* 'летом'). Для *tu-* он указывает лишь возможность использоваться с предлогом *w* наряду с *ta-*. При этом он отмечает, что эти наречия, по-видимому, лишены лексического значения.

Подробно рассматривает употребление лексемы *ta* в пространственно-временных обстоятельствах Р. Бенаккьо (2003, 2022b). При этом она приводит свидетельства использования этой лексемы не только в резьянском, но и в словенских диалектах Фриули (терском, надижском), и на более широком славянском пространстве. Предполагается, что использование конструкции с *ta-* может быть результатом контактного влияния фриульских диалектов, в которых возможны формы с частицей *là* 'там' перед предлогом *di* или его сочлененной с артиклем формой *dal* (*là dal miedi* 'у врача'), но это возможно только в отношении этого единственного предлога (Бенаккьо 2003, 19), в то время как для резьянского сочетаемость гораздо шире. Более вероятным представляется отмеченное там же материальное и структурное влияние фриульских форм предлогов, образованных на базе сочетания предлога *in* 'в' и артикля с вставным *-t-* и с утратой начального *in*: *in+un* > *in-t-un*, *intun* > *tun*, *in + il* > *in-tal* > *intal* > *tal*, *in + la* > *in-ta*, *inta* > *ta*.

Как и Стэнвейк, Бенаккьо признает компонент *tu-* в резьянском лишь фонетическим вариантом *ta-*, появляющимся в позиции к *w*.

Представляется более оправданным считать *ta-/tu-/to-* местоименно-наречными частицами *ta* < *j(i)tān*, *tu* < *j(i)tu*, *to* < *j(i)to*, – с исходным значением 'там, туда', возможно, связанными с указательными местоимениями *j(i)ti*, *j(i)ta*, *j(i)to*. На связь *ta* < *tan* 'там' в результате утраты конечного *n* указывал и БдеК (1875, 42), при этом *tan* естественно связывается с формой *tam* (БдеК 1875, 13–14, §31), восходящей к праславянскому **tamo*, на что также обращает внимание Р. Бенаккьо.

В свою очередь, краткие формы этих указательных местоимений, по-видимому, дали начало формам определенного артикля *te*, *ta*, *to*; *ti/te*. По мнению Р. Бенаккьо, резьянские формы определенного артикля формируются в процессе грамматикализации местоименных клитик, с опорой на обобщающее значение. Причем для резьянских текстов XVIII–XIX вв. характерно их

использование перед субстантивированными прилагательными (Бенаккьо 1998, Бенаккьо 2014, Бенаккьо 2022с); эта особенность сохраняется и в современной речи; можно сравнить параллельные названия сборника Biside 2009 на резьянском и стандартном словенском:

- (6) (a) *Biside ta-na traku: Biside anu imprēšti od naših tih starih* (рез.)
 (букв. 'Слова и вещи/инструменты (от) наших старших')
 (б) *Besede na traku: Besede in predmeti naših starih* (словенск.)

С другой стороны, об использовании определенного артикля в разговорных словенских диалектах приморской группы (в том числе резьянского, Натизоне и Торре) пишет Н. Važec (2019), отмечая, что литературный (стандартный) словенский не выделяет эту грамматическую категорию. Тем самым использование таких форм может расцениваться как характерная черта разговорной речи. Резьянский сохраняет эту разговорную стихию, в то время как стандартизованный словенский имеет более книжный характер.

Глубокие идеи о связи коммуникативных частиц с местоименными корнями, передающими скрытые смыслы определенности/неопределенности, высказала Т.М. Николаева; рассуждая о фонетическом распределении консонантных основ частиц, она отметила, в частности, характерную для болгарского и македонского определенного артикля основу на *t-* (Николаева 2000, 341).

Можно усмотреть в использовании местоименно-наречных частиц *ta-/tu-/to-* в резьянском идиоме развитие общей категории указательности-определенности, распространившейся на локативные комплексы.

Кроме того, можно заметить в организации резьянской фразы тенденцию к удлинению тактовых групп за счет клитик, что создает более уравновешенный, размеренный строй разговорной речи. В работе (Бенаккьо 2022а, 116–120) отмечается распространенное использование в резьянской фразе глагольных и местоименных клитик, также при местоименной репризе, т.е. в последнем случае наблюдается смысловая избыточность. На это могут указывать также примеры редупликации предлогов: [j]tû-tû potô'cœ 'там-в-там-в ручье', *ta za ta za nû* 'позади-позади неё' (БдеК 1875), *okûl nu okûl* 'около и около, вокруг' (Biside, 13, также 140). Здесь можно говорить об эмфатической и выделительной функции повторов.

4 Анализ

Если говорить о предложных конструкциях с частицами как о грамматических фразеологизмах, интересно задаться вопросом, в чем различие частиц *ta-/tu-/to-* в их составе.

4.1 Гипотеза различения дистанции

Первоначально возникает предположение, что частицы распределены по значениям дальности дистанции: *ta-* ‘там’, *tu-/to-* ‘тут’. Эта гипотеза никак не подтверждается материалом, так как оба значения присутствуют у всех этих частиц. (Так, в контексте (4) *ta-dō w Mužase* и *tu-w gozdě* – одинаково далекие объекты.)

Кроме того, есть свидетельства использования частицы ***sè***, которую более обоснованно связывать со значениями ‘сюда, здесь’. Очевидный пример присутствует уже в Резьянском Катехизисе (*Du te jè creal anu gial sè na tè svit?*).

Стэнвейк сопоставляет разные записи «Отче наш» с XVIII в. и обнаруживает параллельные конструкции с частицей ***sè*** на месте ***ta*** (Steenwijk 2005).

Фрагменты «Отче наш» ‘как в небе, так и на земле’:

(7) ...*tachoj tou nebbe, pà sè nà semgnì* (запись БдеК, с рукописи 1797 г.)

(8) ...*tacoj tim nebe itacu tàna semj* (запись Срезневского 1841).

Фрагменты Резьянского Катехизиса (в издании БдеК 1875):

(9) ...*Du te jè creal anu gial sè na tè svit?* ‘Кто тебя создал и произвел на этот свет?’

(10) ...*sè na tin'svetu, se na toi simij* ‘здесь на этом свете, здесь на этой земле’.

Частицу ***sè*** Стэнвейк сопоставляет с ***ta***, считая первую более архаичной в подобной конструкции. Кроме того, Стэнвейк предполагает некоторое соответствие в словенских говорах Каринтии, где ***se*** встречается как «эмфатическая частица» перед наречиями места: ***se vùne*** → ***soune*** (ссылаясь на Ramovš 1935: 5, цит. по Steenwijk 2005, 413). Все же параллель Рамовша с словенским относительна, поскольку там речь не о предлогах.

Р. Бенаккьо полагает, что частица ***sè***, противопоставленная ***ta*** как изначальное указание на близкое место по отношению к более отдаленному, постепенно утратилась, в то время как ***ta*** с нейтрализацией указательного значения укрепились (Бенаккьо 2022b).

Можно также предположить связь *sè* с группой местоименных форм с указательным значением 'этот': *(j)isi, (j)isa, (j)iso* ('этот, эта, это'), естественную для исходного значения *sè* 'здесь, сюда', сохраняющегося в современном языке в наречном значении. Но нельзя исключить и того, что в самостоятельных наречных формах *(ji)tan, (ji)tu/to, (i)sè* исходно присутствовала градация по степени отдаленности объекта, которая затем стерлась.

4.2 Гипотеза различения места и направления

Другое предположение может заключаться в различении пространственных значений места и направления: 'там' и 'туда'. Это предположение как будто бы тоже не подтверждается материалом; можно это проиллюстрировать хотя бы тем же примером (4), где частицы используются недифференцированно в конструкциях для обоих грамматических значений: *ta-par hiše* – 'при доме, дома' (место, loc), *ta-dō w Mužace* – 'внизу в Моджио' (место, loc), *tu-w gozdě* – 'в лесу' (место, loc), *ta-h hiše* – 'к дому, домой' (направление, dat); отсюда видно, что грамматическое значение и соответственно падежное управление задаются первообразным предлогом во второй позиции. Так что подобное распределение было бы осмыслено искать в самостоятельных наречных формах.

Поскольку вопросительные наречия различают значения места и направления (*kě* 'where', *kān* 'for where', Clemente 2020, 51), естественно ожидать, что и указательные формы были способны дифференцировать значения аналогичным образом. Р. Бенаккьо отмечает преимущественное распределение наречий: *jītān* для значения 'где', а *tān/tā* – для 'куда' (Бенаккио 2003, 14; также 2022b, 128). Бенаккьо ссылается на материалы Резьянского словаря БдеК, в которых, по свидетельству А.Д. Дуличенко, для ударного наречия *tā* отмечено значение направления, в то время как в безударной форме клитики *ta* оба значения (места и направления) нейтрализованы (Бенаккио 2003, 15, сноска 4; также 2022b, 130, сноска 4).

4.3 Гипотеза фонетической обусловленности

Далее возникает гипотеза, что распределение частиц как-то связано с их фонетическим окружением. Для ее проверки был собран корпус из 100 примеров конструкций из *Опыта фонетики резьянских говоров* Бодуэна де Куртенэ (1875), а также десятков примеров из его записей резьянских текстов, в том числе *Резьянского катехизиса*, и примеров из современных резьянских текстов (Biside ta-na traku 2009).

В проанализированном материале среди 100 примеров из БдеК было обнаружено 45 примеров для *tu* в сочетаниях: *tu + w*, *wně-na* и 55 примеров для *ta* в сочетаниях: *ta + na*, *pod*, *po*, *h*, *za*, *med*, *par*, *prad* и др. При этом для *tu* не нашлось примеров сочетаний с другими предлогами, кроме двух указанных. Зато отмечены примеры ассимилятивного перехода конечного согласного *v/w* перед согласным следующего слова в определенной фонетической дистрибуции: в *p*, *b* (перед зубными и *l*), *m* (перед носовым), *f* (перед свистящими):

tuw: *tuw Osoôh* – ‘в Осоахах’

tuu: *tùu Bîle* – ‘в Биле (Сан-Джорджо)’, *tùu lîtah* – ‘в летах’ [так! (§25, с. 11)]

tup: *tùp tárze* – ‘в городе’, *tùp tédne* – ‘в течение недели’, *tùp c’rkvæ* – ‘в церкви’

tub: *tùb dúle* – ‘в долине’, *tùb loncé* – ‘в горшке’, *tùb da lonâc* – ‘в один горшок’

tum: *tum ní korytaco* – ‘в одном корытце’, *tùm nohè* – ‘ночью’ (но и *tùb nohè*)

tû: *tû potô’cæ* – в потоке, *tû Bańítcih* – ‘в Венеции’ (loc. pl., Bańítke – Венеция)

(Здесь запись **tû** отражает, по-видимому, долгое *u* – сокращение *tuu*)

Возможно и выпадение конечного слабого *w*:

tú ni hõzdæ – в одном лесу, *tú mi sèrce* – в моем сердце.

Примеры с **tâ** встречались в раздельном или слитном написании (в фонетической записи) с рядом предлогов:

tâ na / tâna – ‘на’ – 20 примеров, это самый частый вариант: *tâna Ravance*, *tâ na nogâh* – ‘на ногах’, *tâna krâju* – ‘на краю’

tâ za *dôbon* – ‘за дубом’

tâ čiz *Auštrjo* – ‘через Австрию’, *tâčiz wòdo* – ‘через воду’

tâ po *striho* – ‘под стрехой, под крышей’

tâh *církvæ* – ‘к церкви’

tâ med *lîtame* – ‘между годами’

tâ p’r *ohñò* – ‘возле огня’

tâ pod *Zormíh* *tâ pod Zormí ih* (‘местность’)⁴.

Однако встречается также несколько примеров с **tâu** и его фонетическими вариантами; можно предположить здесь слияние *tâ+w*: *tâu jíspe* – в избе, *tâp te vir* – ‘в тот колодец’, *tâu nin kûr-nice* – ‘в одной (долгой, узкой, мрачной) яме’, *tâup Čérni wùrh* (‘Черный верх’), *tâub Nýsko hláwo* (‘в Низкую главу’), *tâup Tûlstin warsæ* (‘местность’), *tâup te drúgo stáncjo* (‘в другую комнату’).

Получается, что очевидное вроде бы решение о чисто фонетическом разделении частиц не проходит: оказывается, что возможно сочетание не только *tu-w*, но и *tâ-w* (*tâ-u*). И кроме того у БдеК есть параллельные примеры и с *tò*: *tòu cerkvè*, *tòup církvæ*,

⁴ Зора – гора, см. БдеК. Резья и резьяне, 1876, 239.

tùp c'rkvæ` – в церкви, но *tàup cirkou* – в церковь (БдеК 1875, 31). Можно еще предположить более явную фонетическую выделенность конструкций с *tòu* и *tà-u/w*, тяготеющих к двусложности и, возможно, создающих эмфатический стилистический акцент.

4.4 Уточнение гипотезы

Объяснить несколько примеров *tà-w* можно было бы различием говоров или индивидуальными особенностями информантов, но аналогичные примеры с *ta-w* и *ta-wne* встречались для разных говоров и в текстах, записанных Стэнвейком от разных информантов Сан-Джорджо (Билы): **ta-w** *din momént* 'in a twinkling', **ta-w** *padèlo* 'in a frying-pan', **ta-wnë w** *Olándi*⁵ 'up north in Holland' (Steenwijk 1992, 166, 171).

Примеры от нашего информанта Нади Клементе (NC) позволили уточнить картину:

tu-w jíspe (loc) 'в избе' – [tet] *ta-w jispo* (acc) 'идти в избу';
tu-w tin ve'ru (loc) 'в этом колодце' – [tet] *ta-w ta vir* (acc) 'идти к этому колодцу';
tu-w nin kúrnice (loc) 'в яме' – *ta-w dà'n kúrnek* (acc) 'в яму';
tu-w Čérni(n) warsè (loc) 'в Черном верхе' – *ta-w Čérni wá'rh* (acc) 'в Черный верх';
tu-w Nýske hláve (loc) 'в Низкой главе' – *ta-w Nýsko hláwo* (acc) 'в Низкую главу'.

Разговорные примеры, подтвержденные несколькими информантами из Осоян (IM 1943, DL 1945):

- (11) *Män tet ta-w hišo punj* ... – 'Мне надо пойти в дом взять (что-то)'.
 (12) *Män tet ta-w hozd po dörwä* – 'Мне нужно пойти в лес за дровами'.
 (13) *Tazè tà-w jispo* – 'Иди в избу'.

Но:

- (14) *Se tu-w hiš'ë, ta čäka'n* – 'Я дома, жду тебя'.
 (15) *Tu-w kintí'ne so...* (*flejšä vina*) – 'В подвале есть... (бутылки вина)'.
 (16) *Tu-w hos'dé'so...* (*madvë'dje*) – 'В лесу есть... (медведи)'.

⁵ В упрощенной транскрипции для *wnë*, а также для других примеров из Steenwijk 1992.

Встречается пример с **ta-w** в аккумулятиве и в Biside 2009 в тексте, отмеченном пометами «по-нивски и по-солбацки»:

- (17) *Alore limbrena na mēla kētinico enu to luvīlu ta-w den batun* (Biside, 141) ‘Тогда у зонта была цепочка, которая защелкивалась на кнопку’.

Можно понять, что в случаях с указанием места обычно используется *tu-w*, а для указания направления движения – *ta-w*. Это распределение в общем согласуется с абсолютным большинством примеров для *tu-w* из БдеК, однако для *tà-w* у него возможны оба варианта (направления и места). Хотя есть и пример БдеК *tùp c’rkvæ` илу tòup c’rkvæ`* (‘в церкви’), *tàup cirkou* О (‘в церковь’) (БдеК 1975: 31), где форма аккумулятива с *tà-* (в варианте, записанном в Осояхнах) противопоставлена формам локатива с *tu-*.

Возможно, что более редкое использование *tà-w* в локативе на месте обычного *tu-w* является также приемом эмфатического выделения. Так, Клементе объясняет приведенные у БдеК примеры *tà-w* в локативе как производные от сочетания с наречием *jitàn* ‘там’: *tàu jispe < (ji)tà(n) w jispe* ‘там в избе’, *tàu nin kúrnice < (ji)tà(n) w nin kúrnice* – ‘там в одной (долгой, узкой, мрачной) яме’. Маркированные переходные формы могут создавать определенный стилистический эффект. Такие формы оказываются как бы промежуточными между развернутыми конструкциями с местоименным наречием *jitàn* и краткой формой предлога *tu-w*.

Можно заметить, что в ряде примеров встречается вариант *to-*: прежде всего в составе конструкций *to-ghorē-na*, *to-ghorē-w* (орфография по NC), где не исключено действие гармонии гласных, а также в объединении с *u/w* (*tòu*, *tòuf*): *tòu Osoàh*, *tòu cerkvè*, *tòu terzih* (‘в городах’), *tòuf srīdi* (‘в середине’), *tòup tohà drúzaha* (‘в того другого’), *tòub Lôho* (‘местность’). При этом в некоторых случаях отмечены и параллельные примеры с *tu-w* (*tùp tárze* – *tòu terzih*), что позволяет предположить и для *tò* эмфатическое выделение. Возможно, есть и другие факторы, объясняющие примеры с *to-* (*tòu*) в записях БдеК и в текстах XVIII–XIX вв., которые остались за пределами анализа.

Однако гипотеза об эмфатическом выделении нуждается в дальнейшей проверке на современном материале и в звучащей речи.

4.5 Оставшиеся вопросы

При этом все же нельзя говорить о строгом падежном распределении *tu-* и *ta-* с *w* в современном языке. Так, у Стэнвейка есть и пример (18), нарушающий предложенную закономерность, ср. с (19) у той же информантки из Сан-Джорджо (Билы):

(18) ja si bila **ta-w Rime** (LB) ‘I have been in Rome’,

(19) to je **tu-w Búškin** (LB) ‘that is in Slovenia’. (Steenwijk 1992, 167)

В обоих случаях представлен loc, однако выбраны разные частицы. Возможно, в (18) также использована эмфатическая форма от *jitàn w* или действуют иные аналогии.

Такую аналогию можно усмотреть с формой **ta-wné**, которую Стэнвейк квалифицирует как наречие (см. выше):

(20) *Anu ni so slá wún na Běrdy. Anu tadí ta-wné na Běrdy ni so si narédili jíšico, ta-wné na Běrdy.* (Steenwijk 1992, 189) ‘И они пошли вверх на Бёрду. И тогда там-вверху на Бёрде они себе построили домик, там-вверху на Бёрде’ (орфография упрощенная, перевод наш – ЛФ)

Развернутый контекст позволяет усмотреть здесь и эмфазу, и сохранившуюся указательную коннотацию.

Интересные примеры мы находим в тексте резьянского религиозного песнопения «Běšě Mate ta pod križon» (‘Была мать под крестом’, Stabat Mater), цитируемого в статье Clemente (2022) с параллельным английским переводом:

(21) Sveta Mate vi sprusitě, **tu-w** naše sěrzě se šapříjtě plaje od Ježuš Kristuša
(‘Holy Mother we pray you, **in our heart here** close the wounds of Jesus Christ’)

(22) 1. Běšě Mate ta pod križon **ta-w dulörjě rat** na jöčě videt Böha ubišana
(‘The Mother was under the cross, **in too much pain** she cries to see God hanging’)

(23) 5. Se udjőčěj wsake žwot, kőj ša vidět Mate Boga **ta-w ti vilikě spažiměn**
(‘Every person is saddened, by seeing the Mother of God, **in pangs**’)

(24) 7. Ša vse hrihe od judjame pätěl Ježuš **ta-w tormintah** odkärvävět od hējžleh
(‘Because of all the sins of the people, Jesus suffered **in torments** due to the bleeding lashes’) (цит. по Clemente 2022, 77–78).

По мнению Клементе, религиозные песнопения могли быть известны с конца XVIII в.; они были собраны и изданы в *Libro dei canti* в 1999 г. (там же, 78). В выделенных примерах даны формы локатива, однако лишь в первом случае с ожидаемым предлогом: **tu-w** naše sěrzě ‘в нашем сердце’, а в трех других – с предлогом **ta-w**: ‘в большой печали/боли’, ‘в великих муках’, ‘в мучениях’. Их объединяет значение ‘находиться в состоянии’ в отличие от стандартного местного ‘в сердце’, что могло бы оправдать переносное и эмфатически маркированное употребление. (Кроме того, текст песнопения подчиняется законом ритмического

упорядочивания, что также способствует использованию эффатических форм.)

В другом цитируемом Кlemente религиозном прозаическом тексте – современном переводе отрывка из Апокалипсиса (*Mass of Saint Mary Assumption*), выполненного Марией ди Ленардо Барбарини и опубликованного в приходском Бюллетене Резьи *Ta pod Čanupowo sinco / Pod Tyaninovo sinco* «Под тенью Канина» в 1981 г., – находим примеры только с **ta-w**: *ta-w nebe anu ta-w sintuaru* ‘в небе и в святилище’ (loc), *ta-w to same mestu* ‘в то самое место’ (acc) (там же, 79–80). Можно ли предполагать, что выбор **ta-w** с нейтрализацией противопоставления обусловлен высоким стилем религиозного текста? Мы не можем с определенностью ответить на этот вопрос, который остается открытым.

В текстах Стэнвейка есть также примеры использования предлога *w* и без указательной частицы, но с полным наречием *jzdé* ‘здесь’:

- (25) *somo meli kárje mlínuw jzdé w Réziji*
(‘we had a lot of mills here in Resia’ (Steenwijk 1992, 167))

Аналогично встречаем и в Biside: *Izdě w vasy* ‘здесь в деревне’ (2009, 57).

Эти примеры вполне соотносятся с восстанавливаемыми конструкциями, производными от наречия *jitàn* ‘там’. Они близки к конструкции первого типа (*dö-w*), но с местоименными локативными наречиями. В результате можно предположить, что и трехчленные конструкции третьего типа могут быть двусоставным комплексом, объединяющим предложное наречие с первообразным предлогом *w*, *na*.

Аналогию наречно-предложным конструкциям второго типа (*ta-h*, *ta-na*, *tu-w*) можно увидеть в примерах Стэнвейка с опущением *w* – *ta doma* ‘дома’, *ta lètě* ‘летом’, *ta zímě* ‘зимой’ (в упрощенной транскрипции), где представлены уже не конструкции с существительными, а наречия⁶. Можно предположить влияние фриульского, в котором также возможно сокращение предлога *in* ‘в’, совмещенного с артиклем, до форм *tal*, *ta* и под. (см. выше; также: *Il Nuovo Pirona – Vocabolario Friulano*, Pirona, Carletti, Corgnani, Società Filologica Friulana, Udine 2020. Pp. 463 “INTAL”, 432 “IN”).

Стэнвейк отмечает также ряд примеров, в которых предлог *w* употребляется без наречных частиц и наречий, приводя при этом параллели с частицами:

- (26) *dala ser w panów* ‘she put cheese in the pan’

⁶ Однако: *tu-w jasanè* ‘осенью’; *tu-w vîlažej* ‘весной’ (по NC).

(cf. *dáli tu-w panów sér* ‘they put into the pan cheese’)

(Steenwijk 1992, 172)

Примеры с употреблением одиночного *w* приводит и Н. Клементе: *tet w hozd po dōrwā* ‘пойти в лес за дровами’; *ghnāt krava w hliw*. ‘загнать коров в хлев’. В этих случаях имена *hozd* ‘лес’ и *hliw* ‘хлев’ теряют значение определенности, а выступают в качестве неконкретных понятий. Аналогичное объяснение естественно предположить и для примера (26).

Другие случаи употребления одиночного предлога *w* не связаны с передачей пространственных отношений.

5 Краткое заключение

Итак, в данной работе была сделана попытка исследовать использование частиц *ta-/tu-/to-* в составе предложных конструкций в резьянских текстах. Анализ показал, что основным критерием выбора частицы является фонетический: **tu** возможно только перед **w**, что обусловлено фонетическим созвучием, а **ta** перед другими согласными, а также и перед **w**.

Частица *ta* может сочетаться как с разными первообразными предлогами, так и с наречными формами. Кроме того, *ta* в значении ‘в’ возможна и в самостоятельном идиоматическом употреблении (26). Но для *tu* морфофонетическая сочетаемость жестко ограничена, так что форма *tu-w* становится равнозначной предлогу *w* и в этом качестве встречается даже в сочетании с *ta*: *tā tup taríñu* ‘на лугу’ (БдеК 1875, 31).

Важным представляется более отчетливая связь **tu-w** с формой локатива, а **ta-w** с формой аккузатива, т.е. в направительном значении, которая выявляется в примерах информантов. Современные примеры с **ta-w** в аккузативе кажутся стилистически нейтральными, так что локатив оказывается маркированной формой.

Мы предположили, что использование **ta-w** и **to-w** для передачи локатива, возможно, отражающее переходную форму от сочетания с наречием, объясняется эмфатическим выделением и/или стилистической маркированностью высокого стиля речи. Этот вывод пока что имеет предварительный характер, скорее можно говорить о тенденции.

Обобщая, можно отметить, что своеобразие предложных конструкций резьянского языка состоит в использовании для пространственных значений сложных конструкций с местоименно-наречными частицами, которые в силу устойчивого характера могут уже рассматриваться как грамматические фразеологизмы. Грамматикализация частиц *ta-/tu-/to-* при выветривании

лексического значения тем не менее распространяет скрытый смысл указательности-определенности на локативные конструкции. При обобщающем неконкретном значении объекта возможно использование предлога без этих частиц (26).

Особенностью структуры локативных предложных сочетаний является порядок компонентов: от более общего значения к более конкретному. Их использование является отличительной чертой резьянского идиома (как и терского и надижского) по сравнению с стандартным словенским и объясняется необходимостью ориентации в горной местности.

В заключение выражаем признательность резьянской коллеге Наде Клементе за предоставленные материалы и примеры и за их обсуждение, информантам IM и DL из Осоян за предложенные примеры, а также благодарность коллегам, принявшим участие в обсуждении доклада на *Convengo Linguistica Slava* – 9. Отдельная благодарность рецензентам, чьи замечания мы постарались учесть.

Литература и источники

- Аникин, А.Е. (2013). *Русский этимологический словарь*. Вып. 7. Москва: Институт русского языка РАН.
- Баранов, А.Н.; Добровольский, Д.О. (2008). *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.
- Бенаккьо, Р. (1998). «К вопросу об определенном артикле в славянских языках: резьянский говор». Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. *Slavica Tartuensia*, 4, 76-88.
- Бенаккьо, Р. (2003). «Употребление лексемы *ta* в пространственно-временных обстоятельствах в словенских диалектах Фриули: еще раз о славяно-романском контакте». Alberto, A.; Garzaniti, M.; Garzonio, S. (a cura di), *Contributi italiani al XIII Congresso internazionale degli slavisti (Ljubljana 15-21 agosto 2003)*. Pisa: Associazione italiana degli slavisti, 11-23.
- Бенаккьо, Р. (2014). «Грамматикализация в ситуациях языкового контакта: развитие артикля в резьянском диалекте». Nomachi, M.; Danylenko, A.; Piper, P. (eds), *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*. Proceedings from the 36th Meeting of the Commission on the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists, München, Berlin, Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 205-17 (= Die Welt der Slaven, Sammelbände. Sborniki, 55).
- Бенаккьо, Р. (2022a). «Современный резьянский диалект в северной Италии. Морфосинтаксические особенности и романо-славянская интерференция». Benacchio, R. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. A cura di M. Fin et al. Firenze: Firenze University Press, 107-125. Biblioteca di Studi Slavistici, 48. <https://doi.org/10.36253/978-88-5518-568-4>.
- Бенаккьо, Р. (2022b). «Употребление лексемы *ta* в пространственно-временных обстоятельствах в словенских диалектах Фриули: еще раз о славяно-романском контакте». Benacchio, R. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. A cura di M. Fin et al. Firenze: Firenze University Press, 127-138. Biblioteca di Studi Slavistici, 48. <https://doi.org/10.36253/978-88-5518-568-4>.
- Бенаккьо, Р. (2022c). «Грамматикализация определенного и неопределенного артикля в словенском языковом ареале». Benacchio, R. *Studi slavistici tra linguistica, dialettologia e filologia*. A cura di M. Fin et al. Firenze: Firenze University Press, 156-168. Biblioteca di Studi Slavistici, 48. <https://doi.org/10.36253/978-88-5518-568-4>.
- Бодуэн де Куртенэ, И. (1875). *Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис»*. [Соч.] И. Бодуэна-де-Куртенэ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава: Э. Венде и К-о; Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков.
- Дуличенко, А.Д. (1981). *Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус.
- Дуличенко, А.Д. (2017). «Славянская микролингвистика и славянская микрофилология». *Русин*, 2(48), 41-50.
- Корина, Н.Б. (2013). «Национальная специфика пространственных моделей в языке и культуре (руско-словацкий аспект)». *Вестник Московского государственного областного университета*, 4. <https://www.evstnik-mgou.ru/jour/article/view/644/641>.

- Николаева, Т.М. (2000). *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры, 327-47.
- Урысон, Е.В. (2017). «Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов». *Вопросы языкознания*, 5, 36-55.
- Фасмер, М. (1974). *Этимологический словарь русского языка*. В 4 томах. Москва: Прогресс.
- Федорова, Л.Л. (2021). «Топонимы Резии и выражение пространственных отношений в резьянском языке». *Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С.Б. Бернштейна)*. Материалы Международной научной конференции (Москва, 12–14 октября 2021 г.). Москва: Институт славяноведения РАН.
- Baudouin de Courtenay, J. (1895). *Materialen zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie I: Resianische Texte*. St. Petersburg.
- Bažec, H. (2019). «Distribuzione areale degli articoli sloveni. Il caso dei dialetti del Litorale». Krapova, I; Nistratova, S.; Ruvoletto, L. (a cura di). *Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca*. Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 23-36.
- Biside-ta-na-traku. Le parole su nastro. Besede na traku.* (2009). Udine: Associazione Culturale Museo della Gente della Val Resia.
- Clemente, N. (2020). *Introduction to the Resian language*. Udine: Self-printed.
- Clemente, N. (2022). «Resia – a Slavic enclave in Italy. Culture and religion in 19th century texts». *Ethnologia slovacica et slavica*, 43, 63-85.
- Steenwijk, H. (1992). «The Slovene dialect of Resia: San Giorgio». *Studies in Slavic and General Linguistics*, 18, iii-352. <https://www.jstor.org/stable/40997063>.
- Steenwijk, H. (2005). «Versioni settecentesche e ottocentesche del paternostro resiano». Ceccherelli, A. et al. (a cura di), *Per Jan Šlaski: scritti offerti da magiaristi, polonisti, slavisti italiani*. Padova: UNIPRESS, 409-23.

